

**Эдуард Романович
ЦИММЕРМАН**

**ПО СЕВЕРНЫМ
ОКРАИНАМ
АФРИКИ**

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ц61

Циммерман, Э. Р.

Ц61 По северным окраинам Африки / Э.Р. Циммерман. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. — 144 с. — (ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ).

«Ничто так не развивает ум, как путешествие», — говорил Эмиль Золя, понимая, что мало какие ощущения могут сравниться с открытием неизведанных уголков, далеких и близких, на нашей Земле.

На протяжении всей истории человечества путешественники считались героями, странниками, оставляющими привычный уклад жизни и отправляющимися в неизвестность. Стремление к дальним горизонтам, к неизвестности, лежит в основе человеческой природы, а наиболее успешные — или наиболее авантюрные — попытки покорить неизвестные дали неизменно вписываются в список величайших свершений. Будь то доисторический абориген на хлипком судне, античный мореплаватель, средневековый торговец, просвещённый гуманист семнадцатого века или полярный исследователь века двадцатого — все они составляли когорту великих странников, устремленных в неизвестность. Их истории, воспоминания и жизни — образцы высшего проявления человеческих возможностей и человеческого духа.

Серия «ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ» — способ познакомиться с историями многих великих географов, первооткрывателей и исследователей, узнать больше об их жизнях, переживаниях и свершениях.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
VIC WTL
BISAC FIC000000

ПО ЕГИПТУ

I

ОТ АЛЕКСАНДРИИ ДО КАИРА

Начиная со второй половины текущего столетия Африка стала служить поприщем для колонизаторских попыток со стороны европейских держав. Даже объединявшаяся Германия, не обладавшая до сих пор собственными заморскими поселениями, завела теперь также свои колонии по западным и восточным побережьям Черного материка. Для европейских народов, однако, в переселенческом отношении спокон веку всего важнее были земли, раскинутые по северным окраинам Африки, а между этими областями первое место занимает, конечно, Нильская долина. И действительно, находясь на пороге трех частей света и служа в настоящее время как бы ключом к Суэцкому каналу, Египет за последние десятилетия приобрел весьма важное значение для европейских мореходных держав.

Имея в виду ближе ознакомиться с его современным состоянием и с возникающим колонизаторским движе-

нием в Нильскую долину, я выехал из Одессы на пароходе Русского общества и в 1897 г., ноября 30-го, прибыл в Александрию.

Не останавливаясь в этом городе, я с парохода отправился на станцию железной дороги, с тем чтобы переехать прямо в Каир. Поезд в девять часов утра двинулся по плотине. С правой ее стороны синело озеро Мариут, а с левой — тянулся канал Махмудие, которым воды Нила соединяются с гаванью. Затем вскоре показались зеленеющие поля, перерезанные каналами, из которых вода, при посредстве зубчатых колес, приводимых в движение буйволами, переливалась по засеянным нивам. По проложенным вдоль каналов валам пробирались пестрые толпы разноплеменного люда: среди пешеходов проезжал верхом на ослике смуглый араб; туземец-феллах вел за собою медленно выступавшего верблюда, на горбе которого сидела закутанная в черную фату женщина. По низменностям паслись темно-серые буйволы с горбатыми холками, овцы с жирными хвостами. По более возвышенным площадям, не заливаемым рекою, расположились местами серые жалкие деревушки с их слеplенными из нильского ила лачужками; финиковые пальмы раскинули над ними свои перья-листья. Все по пути было полно жизни и привлекало взоры обилием новых предметов. Вот показалась густая рощица сикомор, а за ней забелели стены домов и мечети, возле которой возвышался стройный минарет. Поезд подкатил к станции незначительного местечка. На дебаркадере громадными грудami лежали меш-

ки с зерном и тюки с хлопком. После трех подобных остановок по дороге мы в исходе первого часа пополудни прибыли в Каир.

Странное впечатление производят африканские города вроде Каира на европейского туриста. Переезжая в первый раз из Европы в Африку, он ожидает встретить в этом, не так еще давно малодоступном Черном материке новые для него своеобразные проявления национального быта. Но на первых порах ему приходится сильно разочароваться в своих ожиданиях. И в самом деле, едва успеет он, подъехав к станции, сдать носильщику багаж и выйти из вагона, как на дебаркадере встречает его целая вереница комиссионеров. У каждого из них на околышке фуражки красуется изображенное золотыми буквами имя отеля в городе, а на улице у подъезда вытянулся ряд омнибусов, какие выезжают обыкновенно на станцию для приема пассажиров. Тут же стоят извозчицы коляски, готовые к услугам приезжих. Словом, все то же, что в любом из европейских городов. Мало того, проезжая в одном из омнибусов по улицам Каира, я увидел такие же многоэтажные дома с роскошными галантерейными и другими магазинами, такие же рестораны и кофейни, как в Берлине и в Вене. Вот мы проехали по Оперной площади (Place de l'Opéra), откуда то и дело отходит несколько трамваев, тут же стоят омнибусы и извозчицы коляски парой; по широким тротуарам толпятся одетые по-европейски пешеходы, среди которых изредка мелькают туземные костюмы. По каменным торцовым мостовым, обгоняя проезжающие экипажи,

быстро проносятся такие же, как везде в европейских городах, велосипеды. Стоило ли для всего этого переезжать через Средиземное море и подвергаться разным беспокойствам, без которых не обходится подобный переезд! В гостинице встречают вас те же низкопоклонные портье и лакеи, какими отличаются в особенности немецкие отели. Вам отводят такой же, как везде в Европе, роскошно драпированный, но вообще не очень комфортабельный номер с большими зеркалами и с обширной кроватью, увенчанной балдахином. Вот только когда я вышел в большой сад при отеле, то при виде пальм, бананов и великолепных цикусов, при виде этой пышной тропической растительности, слабый намек на которую у вас можно встретить разве в оранжереях, я вполне уверился, что нахожусь не в Европе, а в более жарком поясе. Когда же на другой день я пошел бродить по городу и, выбравшись из европейского квартала, очутился на главной улице старого туземного Каира, которая, под именем Муски, до сих пор почти сохранилась в своем первобытном виде, я еще нагляднее убедился в том, что действительно прибыл в африканский город.

И в самом деле, надо прежде всего заметить, что ширина этой улицы Муски не превышает двадцати шагов, притом вместе с узкими тротуарами; и во всю эту ширину ее движется плотная толпа разноплеменного люда, какого мне нигде не приходилось встречать: между одетыми в европейский костюм пешеходами разных национальностей гордо шествуют в своих белых бурнуках смуглые арабы, щеголевато разодетые в цветные

кафтаны персы, туземные пехотинцы с красными фесками; тут же пробирается в балахоне синего цвета феллах или в грубой рубашке темнолицый нубиец; верхом на осле едет чалмоносный турок, а над самой толпой вытянулась губастая морда верблюда с большою кладью на горбе. Кажется, яблоку негде упасть в этой тесноте; а между тем когда на улице появляется коляска парой с иностранцами, то толпа раздвигается, и коляска беспрепятственно, никого не задев, проезжает далее. Даже большие фуры, занимая чуть ли не целую треть мостовой в ширину, провозятся парой волов среди этой сутолоки. По обе стороны улицы тянутся настежь открытые магазины с бакалейным товаром, с готовыми платьями, сапогами и всякою обувью, а местами на обширных четырехугольных железных столах, подогреваемых снизу печкой, стоят рядами медные цилиндрические котелки. Хозяева тут же натягивают на них красные фески, потом накрывают их сверху такими же нагретыми котелками и утюжат таким образом фески, которые затем снимаются с этих цилиндров, точно новые.

В ином городе, вроде Парижа, например, подобное многолюдство расплывается по широкой авеню, так что там без труда можно обозреть публику; но здесь, в узких пределах улицы, толпа своею сплоченностью и разнохарактерностью просто ошеломляет непривычного наблюдателя. А тут еще, на мою беду, ко мне привязался смуглолицый мальчуган, предлагая для чего-то свои услуги и то и дело повторяя: «Бахшиш, бахшиш!» Оказалось, он, почуяв новоприезжего, требовал за что-то по-

дачки. Как я ни старался уйти от него, но он не отставал. Наконец, свернув с главной улицы направо в переулок, в котором тротуаров вовсе не оказалось — и было не более шести шагов в ширину, а толпа была еще более плотная, — я успел-таки ускользнуть от назойливого мальчугана и стал осторожно подвигаться по извилинам базара, переходя из одной его галереи в другую. В этих своеобразных базарах галереи, или ряды, покрываются для защиты от солнечных лучей сверху циновками. Каждому товару отведен здесь особый ряд. В одном из них торгуют исключительно коврами, которые выдаются обыкновенно за персидские; в другом — старым туземным оружием, которое, впрочем, нередко изготавливается на каком-нибудь английском заводе; в третьем — красными и желтыми туфлями, какие носят обыкновенно арабы. Затем следуют ряды, в которых продаются седла и сбруи, также белые шерстяные бурнусы; далее, в табачных лавках выставлены черешневые чубуки с янтарными мундштуками и глиняными трубками. Словом, на базаре предлагаются всякие идущие на потребу туземцев товары, доставляемые с разных концов Востока, главным складочным местом которого служит Каир. Среди немолкаемого гула в толпе раздаются резкие крики продавцов фиников, апельсинов, свежей воды и вообще прохладительных напитков.

Протесняясь в этой шумной сумятице и любуясь красиво размещенными в лавках товарами, я увлекся до того, что окончательно заблудился и не знал, как выбраться из этого лабиринта рядов. Завидев издали крас-